

Марина Хробот

ВЕДЬМАЧКА

авантюрный женский роман
листика

Марина Хробот

Ведьмачка

«Автор»

2020

Хробот М.

Ведьмачка / М. Хробот — «Автор», 2020

Сбежав из родной деревни, где девушку объявили ведьмой, Нина переезжает в Москву и устраивается на работу в больницу им. Склифосовского. Помимо образования медсестры, Нина имеет наследственный дар – лечит руками. И к девушке стали обращаться за помощью. Случайно Нина знакомится с Юлей, девушкой немного пьющей, художницей. На лице Юли было уродливое родимое пятно, и Нина его свела. Сосед Юли, стоматолог Иван, очень правильный и аккуратный молодой мужчина, находит в мусорном баке младенца, девочку. Спасает её и знакомится с Ниной. И тогда начинается самое интересное.

© Хробот М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Нина	5
Иван	9
Нина	13
Юля	24
Иван	26
Нина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Хробот

Ведьмачка

Нина

ДЕРЕВНЯ КАШНИКОВО

Нина сидела на берегу речки-ручейка, вязала крючком ажурную кофточку и смотрела на зеленые длинные водоросли в журчащей воде. Рядом грызла травинку и плевалась в речку подружка Валя, иногда выискивая в смартфоне то погоду, то нижнее бельё, на цену которого не смотрела, дабы не расстраиваться.

Валечка, похваляясь, рассказывала о вчерашнем приезде Пашки из Пестово.

– ...Он как бы к дяде Коле с покосом помочь, дядька же у него хромой, – светилась любовью Валя. – А сам весь день на наш участок смотрел, меня разглядывал. Слышь, а вечером Пашка на мобильный звякнул, я и выскочила из дома. И только дошла до сеного сарая, как он меня внутрь затянул и накинулся! Как обнял! – Она вздохнула, сдерживая дрожь в голосе. – И тут же абсолютно раздел... В секунду.

Недоверчиво покосившись на подругу, Нина задержала взгляд на ее старой кофте от спортивного костюма, надетой на футболку, под которой проступал плотный бюстгальтер.

– Прямо в секунду? – съехидничала она.

– А чего там снимать-то? – Валя откинула изжеванную травинку, – сарафан у меня был, на голое тело...

Нинке было скучно. Она и в книжках об «этом» читала, и по телевизору видела и подруги все уши прожужжали, но сама она к тому, чтобы до нее дотронулся потный мужчина и елозил руками, где ни попадя, пока была не готова.

В девятнадцать лет Нинка оставалась девственницей. Такое тоже бывает. Нечасто.

А, может быть, она и не очень бы испугалась, но предложений переспать, поступало мало. С пятнадцати лет сексуальные домогательства Нина отметала враз, одним тяжелым ударом. В отместку ребята стали называть её «бочкой», хотя Нина была всего лишь высокой и плотной.

– Эй!

На берег речушки спускалась громогласно-горластая Нинкина мать. Известная скандальность мамочки также отбивала желание заняться любовью с Ниной у местных ребят.

Отвлечшись от вязания, Нина обернулась на шум съезжающего по откосу нехилого мамкиного тела.

– Нинка, подь сюда! Там твоя бабушка к нам в гости пришедши. В светлой комнате сидит, чай пьет, тебя требует.

Нинка увидела, как вздрогнула Валечка.

– Ой, Нин, – подруга быстро зашептала, жадно вглядываясь в её глаза. – Спроси у своей бабушки Полины заговор на парня, только запиши подробно.

Дряхлый, наследственный мамин сарафан предупредительно треснул от Нинкиного вдоха.

– Нельзя, Валя. Не стоит. Приворожишь, а вдруг он осточертеет?

Валечка повернулась к подружке всем телом.

– Кто? Паша? – Валька смотрела на Нину с выражением, с каким смотрят на человека, объявившего, что завтра солнце покатится в обратную сторону. – Он не может надоеть! У нас настоящая огненная страсть!

Нинкина мать попыталась затормозить и прислушаться к разговору девиц, но глина на берегу после двух дней дождей не смогла выдержать напора женского тела и осела, протащив женщину вниз, до подруг. Встав, мама отряхнула растянутую старую трикотажную юбку.

– Небогато живем, – спокойно подумала Нина.

– Здравсьте, тётя Аня, – заискивая, поздоровалась Валентина.

– Ой, йе! Блин! Упала! И тебе, Валька, не хворать. – Тётка Анна сняла с юбки налипший репейник и хитро сощурилась. – Валь, а не тот это Пашка, что Зинке, что живёт в соседской Малиновке, мальчонку сделал?

Зарозовев, Валентина со скромной гордостью согласилась:

– Да, он любую уломает.

– Да ты сама кого хочешь... – Тётка Анна безнадежно махнула загорелой рукой. – Так я его сейчас с твоим братом видела около автолавки, они литр спирта взяли.

Подскочив, Валентина, отряхнула спортивные штаны и, уже отстраненно помахав Нинке, побежала к деревне, крикнув напоследок:

– Про мою просьбу не забудь!

Мать встала над дочерью.

– Ну что? Идешь или опять бабку боишься?

Нина встала и взглянула в чистую проточную воду речушки.

– Иду, мам. А ты питерцам в третьем доме молоко снесла?

Как же ей сейчас хотелось уйти подальше от собственного дома и засесть у кого-нибудь в гостях до тех пор, пока бабушка Полина, упившись чаю, не соберется к себе, в соседнюю деревню.

Голос матери отвлек от мечтаний.

– Нинка! Сколько можно увиливать, твою мать? Это, между прочим, мать твоего отца. Царствие ему небесное. – Анна перекрестилась, и в подмышках плотной футболки белесо мелькнули полукружья, вытравленные потом и стирками. – Твоя порода! Иди и разбирайся!

Нина не стала напоминать, что не она сама выбирала себе папу, как и всех остальных родственников. Она повернулась к откосу и неуклюже принялась забираться по скользкой сочной траве наверх. Толстая попа настойчиво тянула вниз, но Нина справилась.

Мать по пути во весь голос спрашивала о похождениях подружки Валечки, но Нинка не отвечала. Ей не хотелось идти домой. При встречах бабушка всегда заглядывала ей в глаза, и чего-то ждала. А Нина пока ожиданий не оправдывала.

В пятом классе, когда Ниночка ещё не вымахала выше своих сверстниц и мальчишек, её обижали в школе – отбирали пирожки и новые яркие тетрадки, ставили подножки, и она с грохотом падала на дощатый школьный пол. А одноклассница Даша, невзлюбившая Ниночку именно в том году, даже выстригли несколько прядей волос, завидуя их золотому цвету и кудрявости.

Измывательства продолжались весь сентябрь. С Ниной никто не дружил, только иногда за неё огрызалась с девочками Валя, живущая через дом от Нины.

Не умея защищаться, Нина только плакала и жаловалась маме. Отца, надёжного заступника, давно не было, и мама пошла «поговорить» с коробкой конфет к директорше школы. Но та, молоденькая и самоуверенная, больше была заинтересована в учениках, среди родителей которых числились: участковый, заведующая магазином и фермер, ежесубботне доставляющий ей на дом три литра молока.

Нравоучительным тоном директорша, объяснила Анне, насколько важно не вмешиваться во взаимоотношения сверстников.

– Пусть разбираются сами! – стучала она шариковой ручкой по желтому, ещё советскому лакированному столу. – Анна, если ты будешь защищать дочку в этом возрасте – никогда она не станет полноценной личностью!

– Не защищать ребёнка одиннадцати лет? – Встав так резко, что стул на железных ножках опрокинулся, Анна прихватила с пола пакет с продуктами и, входя из кабинета сельской школы, обернулась: – Ты чего боишься в жизни? Нищеты, одиночества или травмы?

Секунд пять подумав, директриса тоже встала из-за стола.

– Ты мне угрожаешь? Ты, – директриса чуть не сплюнула в сторону, показывая презрение. – Заведующая деревенской почтой, размером с почтовую открытку? Чего я боюсь? Да ничего кроме, как состариться в одиночестве, как ты!

– Я ещё не старая, – крикнула Анна, прежде, чем захлопнула за собой кабинетную дверь.

В тот же день Анна, прихватив зарёванную, с синяком под глазом и обстриженными местами волосами Ниночку, пришла к свекрови в деревню Бабино за помощью.

За травяным чаем с принесёнными кексами и вареньем, бабуля внимательно слушала невестку и гладила по голове внучку, отчего у Нины разболелась голова.

– Лады, Аня. Веди Нинку домой, укладывай спать, а я сейчас позвоню участковому Гришке... и остальным.

Провожая на крыльцо Анну и Нину, она неожиданно дала болезненный подзатыльник внучке.

– Не бойся никого, кроме дураков, и бейся до последнего, иначе я перестану тебя любить. Это было в пятницу, после уроков.

А рано утром в понедельник, директриса стучалась в окно дома Анны.

– Анна! Анна! Извините, не знаю вашего отчества! Анна, выйдите, пожалуйста!

Зевая и поправляя плащ на ночнушке, Анна вышла на крыльцо. Директриса стояла в платье с длинными рукавами и с платком на голове, завязанном по-деревенски.

– Анна, пусть ваша девочка приходит в школу и не боится. Я провела воспитательную работу с детьми и её больше не будут обижать.

– Понятно, – снова зевнула Анна. – Это с тобой провели воспитательную работу. А чего лицо прячешь? Сыпь у тебя или пятна?

– Пятна, – призналась директриса. – По лицу, по рукам и по груди. Не знаю, чем мазать.

– Свекровкина работа, – призналась Анна. – Ничем не мажь, само пройдёт, я тебя простила.

Анна ушла в дом, а директриса побрела в школу. Новенькая в Кашникове, она до пятницы не знала, кто такая бабушка Нины, Полина Анатольевна. А её считали ведьмачкой. Пятна прошли через день.

В понедельник сын участкового, Кирюха на перемене просил прощение у Нины за подножки, которые ей ставил просто так, из вредности. Одноклассница Даша ревмя ревела, сидя дома и вычёсывая из головы клочки волос. Её привела в дом Анны мать, заставила просить прощение у Нины и подарила комплект постельного белья.

Популярности Ниночке этот инцидент не прибавил, от неё стали шараться. И только к одиннадцатому классу стали осторожно дружить и приглашать на дни рождения.

* * *

Сегодня бабушка Полина сидела в гостях за большим столом в комнате и ждала. Была она редкой женщиной. Высокая, худая, с большой бородавкой на подбородке, с властным характером и таинственным влиянием на всех женщин Боровичевского района.

– Пришла, – выдохнула бабка и сощурила глаз. Бородавка на сморщенном подбородке поехала вверх.

Моментально испугавшись, Нинка покосилась на молчащую у порога мать и быстро заговорила:

– Мне, бабуля, пришло распределение после мед училища в Боровичи, в Новгороде места не было.

Старуха остро взглянула на единственную дылду-внучку, на горластую и не самую умную невестку... Не нравились ей на стенах обои в мелкий цветок, цветочки сливались в сиреневые пятна. Большие портреты-фотографии в рамках смотрелись мутно, но она наизусть знала, где лица родителей Анны, а где портрет её ненаглядного сына Серёженьки, погибшего пятнадцать лет на Дальнем Востоке. Он поехал в командировку – с браконьерами бороться. Браконьеров посадили, а Серёженьку не вернешь, застрелили из ружья.

Зато внучка Нинка вся в сына – умная и красивая.

– Медицина – это неплохо. Нам это близко... – Бабка Полина проморгалась, и цветочки на обоях проявились заново. – Но ты особо от трав не отходи. Когда едешь?

Нинка посмотрела на темные православные образа над телевизором.

– Послезавтра.

Бабка вздохнула.

– Чего, спрашивается, я сюда пришедши? – спросила она у себя самой. – А! Объясняю. Мне показалось, что тёмность какая-то над тобой образовалась, сердце у меня как пузырьком замкнуло, вроде ты в город поедешь и там... Но Бог с тобой. В Боровичи, говоришь? Ладно, езжай... Случится там что-то... не знаю. Но лучше судьбе не сопротивляться! Танк плевком не испугаешь!

И она застучала темным скрюченным, со слящимся ногтем пальцем по столу. От стука подскочили пустые чашки. Мать вздрогнула.

– Я всегда стараюсь ни с кем не конфликтовать, всегда терплю... – начала объясняться Нина.

Бабка ее не слушала. Тяжело встала, подхватила клюку.

– А вот терпеть не надо, это совсем другой случай. Борись за себя, внученька... Анька, где малинишное варенье, что ты в этом году сварила? Ложь две банки в сумку. И до конца деревни меня проводишь, а то ноги плохо ходят.

Нинка, не очень верующая в Бога, на всякий случай перекрестилась на образа над телевизором.

А Валя все-таки упростила бабку Полину приворожить к ней Пашку. Приходила три раза, плакала и говорила, что её жизнь будет испорчена, если Пашенька вернется от нее к Зинке в Малиновку.

– Не самый лучший парень этот твой Пашка, и ребёнок у него хороший, – устало говорила Полина. – Да и глупости всё это, с заговорами. Заговоры не на Пашку или Машку делаются, а для себя, для уверенности.

– Нет, он самый лучший! – настаивала, не слушая ведьмачку, Валентина.

– Хорошо, – бабка Полина чуть хлопнула темной ладонью по столу. – Помогу я тебе. Только обещай, что если пройдет твоя «любовь навеки», ты никого не вини, кроме себя. Теперь запоминай, что делать, и не перепутай.

Иван

МОСКВА

Полгода каждый день, идя с работы на съемную квартиру, Ваня с боязнью ожидал, что Нади там не будет. Иногда она, действительно, задерживалась у родителей или у подруги. Но ненадолго и Ваня радостно ее встречал.

Конечно, он не набрасывался на нее с объятьями и поцелуями и уж тем более не тащил в постель. Такого обращения Надежда не терпела. Но он мог хотя бы напоить ее чаем и прилечь рядом на кровати. Естественно, не дотрагиваясь до вожаделенного тела, зато вдосталь им любуясь.

Высокая и аппетитная Наденька ложилась на широкую кровать в короткой шелковой «комбинашке» на тонких бретельках и Иван замирал от счастья, разглядывал её бёдра и выставленный бок, круто уходящий вниз, к талии. Большая грудь при движении дразнила показавшимися тёмными сосками. Но, как только Иван тянул руку, тут же слышал недовольное Наденькино: «Не надо!» и отступал, истекая желанием.

Сам Ваня был невысок и не обладал ни непомерно широкими плечами, ни перенакаченными ногами. Его внешние данные не шли ни в какое сравнение с красавцами с телеэкрана и интернета. Хотя мама с бабушкой считали, что Ваня один из самых интересных мужчин, и даже его усы, которые Надя в минуты ссор называла мужицко-деревенскими, казались им мужественными.

Влюбился он в Надежду с первого взгляда на студенческой вечеринке на дне Студента. Сразу же увёз к себе в гости и целых три дня терпел, ждал снисхождения.

С сексом у Вани и Нади начались проблемы месяца три назад. Он случался все реже, и был все более равнодушным со стороны Наденьки. Зато хозяйкой она являлась прекрасной. С утра до вечера убирала их однокомнатную съёмную квартирку, готовила много и вкусно, бегала по распродажам, покупая им обоим одежду.

Иногда они ездили то к ее, то к его родственникам, ходили в кино. Изредка выбирались на шашлыки со знакомыми. В общем, всё как у всех, и его, Ванечку, такая жизнь устраивала. Даже холодность Надежды не пугала.

До знакомства с Надей, Ваню воспитывали мама и бабушка. Они вылили на него такой объем нерастроченной любви, что ему пока хватало.

А Наденьки, когда он вернулся в среду с работы, все-таки дома не оказалось. И ее вещей тоже. Правда, она забыла домашние тапочки, зубную щетку и початую пачку гигиенических прокладок, но вряд ли этот «бабский» набор был оставлен как повод к возвращению.

Стыдясь сам себя, Ваня набрал сначала номер родителей Наденьки, и они, заминаясь и извиняясь, ввалили ему в телефонную трубку, что и не представляют, где сейчас дочь. Зная, что именно родители были против женитьбы Нади и Вани, считая жениха бесперспективным, он больше им не звонил.

Следующими по списку оказались две приятельницы Нади. Одна, сославшись на занятость, не стала разговаривать совсем. Зато Алла, между друзьями-знакомыми, называемая Алка-давалка, тут же пригласила Ванечку к себе.

– Покупаешь коньячка – литр, деликатесик типа сыровяленой колбаски и сыр с синей плесенью, с зеленой не бери, она пахнет по-другому. Фруктиков, типа винограда, апельсинчика и авкадика, и ко мне. Жду тебя, Ванька.

* * *

Купив все, что было заказано, Иван через час стоял под дверью Аллы и жал на звонок.

– Ой, ты мой хорошенький, – прямо с порога засюсюкала Алла и полезла целоваться. Было видно, что выпила она не одну рюмку. – Проходи в столовую, я там пропиваю своего Вадика.

На Алле красовался ажурный пеньюар, практически не прикрывавший ни плоскую грудь, ни худые длинные ноги. Алла никогда не была во вкусе Вани и эротических эмоций не вызывала. Но сейчас она была ему необходима как источник информации и как жилетка для жалоб.

– Почему одна, без Вадика? – не понял он, передавая Алле пакеты с едой. – Поругались, что ли?

– Вань, ну ты вообще, самый наивный человек, которого я видела. – Алла недобро рассмеялась. – Вадька мой жениться надумал. У него программа такая – заработать к тридцати годам первые сто тысяч евро и жениться.

– Слегка догадываюсь, что женится он не на тебе, – все еще не понимая, к чему идёт речь, посочувствовал Ваня и прошёл в комнату.

Съёмная квартира Аллы была типичным жилищем женщины, за которую платят мужчины. Косметический ремонт, лучшая сантехника и современная мебель.

Распаковывая продукты, и тут же сервируя стол, нарезая закуску в авангардные тарелки, Алла прищелкивала языком и покачивала головой, всем видом показывая, насколько Ваня наивен.

– В упор ничего не видишь. Нет, он не на мне! Он на твоей Надьке женится! Они уже три месяца любовники.

– То есть как? – Ваня сел на стул и его руки опустились. – Какие любовники? Мы же так хорошо жили.

– Это ты с нею хорошо жил. – Алла достала из пакета бутылку коньяка и с хрустом свернула крышку. – А ей с тобой было скучно. У неё же родители и младший брат живут в двухкомнатной квартире, а работать, кроме, как домохозяйкой, она не хочет, хоть и закончила факультет педиатрии. А ты купить свою квартиру пока не можешь и считаешься запасным аэродромом. Зато мой рациональный Вадик ее полностью устраивает.

Коричневая ароматная жидкость лилась в рюмки, Иван смотрел на коньяк, затем поднял взгляд на Аллу.

– Аэродром? Запасной? Но я же хороший специалист... – растерялся Ваня. – Ко мне теперь пациенты записываются.

Алла уперла руки-веточки в бока. В правой руке сверкал нож с нашлепками дорого сыра в плесени.

– Очнись, Ваня, ты обыкновенный стоматолог! А у Вадика автосалон, автосервис и личная автомойка!

Алла кричала, трясая ножом. Небольшие груди тряслись под ажуром. Ваня нахмурился и тихо сказал:

– Не по-человечески это. – Он потянулся к наполненной рюмке. – А, может, они еще не того?

– Того, того, – уверила успокоившаяся Алла, залпом выпивая коньяк. – Она уже переехала к нему, завтра заявление в ЗАГС подадут. Понимаешь... – В глазах Аллы показались слезы. – Как трахаться с утра до вечера или подложить под нужного человека – так я, а как жениться – так правильная Надечка, которая, оказывается, хорошая хозяйка. А то, что я Вадика ни разу по своему желанию не изменила, так это не считается, я все равно блядь, а Надя святая. Вань, ну почему так?

Алла пьяно разрыдалась и снова разлила коньяк. Ваня выпил залпом. Желание напиться росло с каждой рюмкой.

Второй бутылкой стала литровая водка, найденная в холодильнике. Эту бутылку они с Аллой допили до половины. И когда она стала приставать к Ване, он уже не сопротивлялся.

* * *

В пьяном угаре прошло два дня. И Ваня, и Алла сильно отравились и мучились похмельем.

– Знаешь что. – Лежа в кровати, Алла лениво курила. – Я начинаю новую жизнь. Сейчас похмелимся и разбегаемся. – Она села в кровати, прикрыв одеялом грудь, вернее почти полное ее отсутствие. – Меня приглашают в адвокатскую контору по прямой специальности. Буду богатых сволочей за деньги от тюрьмы отмазывать. Хватит в любовь играть. Как говорят американцы, «Хочешь отомстить – стань богаче».

Ивана тошнило, болела голова, сердце билось в горле, дрожали руки. В общем, типичное русское тяжелое похмелье. Думать ни о чём не хотелось. Хотелось заснуть и проснуться здоровым, чтобы сама собой прошла голова и исчезла тошнота.

– Все, Ванька. – Алла, не морщась, выпила рюмку водки. – Подъем. Сейчас сделаю генеральную уборку, а завтра попрошусь на работу.

– Я не могу встать, – заканючил Ваня. – Мне плохо.

– Всем плохо. – Алла встала, не стесняясь наготы. Фигура у нее была неплохая, но на вкус Вани слишком худая. – Я тебя жалеть не собираюсь. Будешь водки?

– Нет! – испугался он. – Я уж лучше на сухую перемучаюсь. Господи, как же мне плохо-то. Ваню опять потянуло в туалет. Там его тяжело рвало, но стало легче.

От Аллы он сразу поехал к матери с бабушкой.

Два дня Ваня болел, и бабушка капала ему «корвалол», а мама тайком уговаривала попить чилийского винишка, бутылки которого стояли в её комнате.

– Сухой закон, – мрачно отвечал Иван.

* * *

Сам для себя Иван написал план жизни на ближайшие десять лет. В него входил карьерный рост, приобретение квартиры и вложение денег в собственный бизнес, то есть в клинику, где он работал стоматологом. Женитьба тоже входила в план, но через пять лет.

И жена будет из обеспеченной семьи, с прекрасным образованием, хорошо зарабатывающая. Естественно, она не должна ни пить, ни курить, потому что еще через три года они родят сначала одного ребенка, а через два года другого.

На работе он стал пропадать сутками, зарабатывая больше всех, даже больше Александра Александровича, под завязку наработавшего свою клиентуру за десять лет.

Владелица клиники, Эльза Евсеевна, не могла нарадоваться на Ивана. Она смело повышала цены на его профессиональные услуги. Иван, специальностью которого была эстетическая стоматология, мог принять пациента с острой болью или подменить хирурга, избавляющего рот от гнилого безнадежного зуба или выросшей на челюсти кисты.

Вопрос возникающего иногда сексуального голода он решил просто – завел роман с медсестрой Ларисой, своей ассистенткой.

Лариса, тридцатилетняя девушка, откровенно желала выскочить замуж за москвича. Ивана она считала потенциальным женихом – зарабатывает много, весьма продвинут в сексе, не яркий красавец, что очень устраивало ревнивую Ларису, и по сторонам глазами не особо стреляет.

Иван о планах Ларисы знал, но его это не очень волновало. Медсестра приехала из Рязани, воспитана матерью-одиночкой и без высшего образования. И по статусу, и по материальным требованиям, эта кандидатура, естественно, в невесты не подходила.

Нина

В районной Боровичевской больнице пришлось жить на техническом этаже.

Условия оказались непростыми. После деревни с ее просторами в доме-пятистенке, где из окна открывался вид на поля и дальние перелески, сидеть в комнатухе без окон, с двухъярусными кроватями было элементарно душно.

Иногда Нина оставалась в своем отделении на диванчике склада АХО, где пахло стиранным постельным бельем, а из окна были видны окна соседних зданий. Здесь же медсестры пили чай три раза в день и сплетничали. К новенькой, Ниночке, сестры относились хорошо, но уж очень была большая разница в возрасте.

Вот именно там, через полгода работы, когда она, вышла на внеочередное дежурство, с нею и случилось «это».

Так если бы хоть «этим» был врач или студент медицинского института, а то достался пациент лет сорока с совершенно средними внешними данными, который, находясь две недели в неврологическом отделении, осчастливил ее шоколадкой и двумя апельсинами.

– Я тебе, Ниночка, отплачу, – пообещал он. – Тебе понравится.

Лежал пациент с ишиасом и, как только его отпустило, затащил Нину в комнату сестры-хозяйки и на стопах свежестиранных простыней, не особо потратившись на ласки, лишил ее девственности.

Почти не сопротивляясь, Нина, только отталкивалась, говоря: «Нет, не надо» и удерживала за подбородок голову мужчины, чтобы тот не смог её поцеловать. Отвалив от себя тяжелое тело, Ниночка одернула полы юбки и халата и, теребя в руках трусики, тихо заплакала. Простыня под нею была в мелких пятнах крови.

– Чего, не понравилось? – удивился ишиасник.

Хлюпнув влажным от слез носом, Нина закашлялась и отвернулась от неприятного в своей полунаготы мужчины.

– Нет, я думала, что это как-то по-другому будет, в первый раз-то.

– Что?

Пациент готов был возмутиться и объявить лозунг сомневающимся в себе мужиков, что все женщины шлюхи, и что она притворяется. Но, наблюдая за Ниной почти каждый день, он уже знал, что она из тех, кто никогда не врет.

– Что же ты до тридцати лет в девках сидишь?

– Мне двадцать. – Нина сняла с пачки простыней верхнюю и задумалась, как незаметно отнести ее в бак с грязным бельем. – Просто я крупная. Вы идите в палату, я никому не скажу... И берегите здоровье.

Стыдливо поправляя на себе пижамные штаны, мужчина только теперь, взглядевшись в наивное Нинкино широкое лицо, осознал, что случилось.

Лежа на больничной кровати спиной кверху, он видел Нинкину фигуру от кроссовок до пояса и, разглядывая красивые полные ноги и аппетитный круглый задок, решил, конечно, что принадлежит все это опытной женщине. А на самом деле медсестричка-то совсем еще молоденькая.

Засунув трусики в карман халата, Нина стояла с запачканной простыней в руках и ждала, когда пациент выйдет.

– Вас, баб, не поймёшь, – сказал мужчина и тихо закрыл за собой дверь кладовки.

* * *

К вечеру у пациента вспухла нижняя челюсть и между зубов стала сочиться кровь. Он выл ипил болеутоляющие таблетки, но они мало помогали. Передавая их и стаканчик воды для запивки, Ниночка тихо сказала: «Пока вы меня видите – будете мучиться. И в следующий раз всё-таки спрашивайте у женщины согласие».

– Ведьма, – прошептал мужчина, брызгаясь кровью.

На следующий день он выписался из больницы, сославшись на неприятности в семье.

Нина уволилась через месяц.

* * *

Приехала Нина в деревню зимой. Зима выдалась снежной и очень для нее тошнотной.

Устроилась участковой медсестрой и заведовала единственной на три деревни аптекой.

На Новый год у бабки Полины «гульбанили» три подружки возраста «за семьдесят». Телевизор их раздражал молодёжным истеризмом, и они веселились под радио «Маяк».

На столе было все, что не пожалели выдать патриархальным родственницам их внуки и внуки: салаты, куры, нарезка дорогой рыбы, сыры, икра. То есть всего по чуть-чуть, а праздничный стол оказался самым богатым в деревне.

Нина посидела у бабушки с полчаса. Перед ее уходом баба Поля вышла в сени.

– Ты не бойся, теперь за безмужних детей стёкла бить не будут, все привыкшие. – сказала она тихо и добавила: – Мальчик будет.

– Я знаю, – так же тихо ответила Нина. – Через неделю почувствовала.

– Ты того придурочного, что сделал тебе ребёнка не сильно покалечила? – полюбопытничала бабушка.

– Нет... – без эмоций ответила Ниночка. – Только предупредила на будущее.

– Ну, и с Богом. – Старуха поцеловала Нину в лоб. Они были примерно одного роста, только внука в два раза весомее.

Бывшая подружка Валентина родив в законном браке дочку Машеньку, как и большинство односельчанок, со злобным осуждением косилась на растущий живот Нины. Довольная своей удавшейся супружеской жизнью, она не простила Нину за отказ помочь приворожить любимого и при редких встречах, здоровалась с нею насмешливо.

– И бабка ей не помогла, хоть и ведьмачка, – говорила она в местном магазине и многие с ней соглашались.

– А ты, Валька, курва, оставила без отца Зинкиного пацана... Но это я так, – опомнилась Оксана. – Никого осуждать нельзя!

ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА ГОДА

Стояла жара начала мая. Сиреневые длинные колосья-хвосты иван-чая отдельными островками цвели среди травы, дрожали от звона цикад и таяли в мареве своего запаха.

Посередине желтой дороги, в пыли, у старой детской коляски сидела Нина, в коротком сарафане на лямках, и стучала велосипедным гаечным ключом по скособоченному колесу. В коляске, среди свертков и подушек, лежал, мусоля сушку, жизнерадостный толстый Сашка. Он слушал голос мамы. А Нина разговаривала с небом, изредка поднимая взгляд от колеса коляски вверх.

– Я тебя очень прошу. Пусть она доедет. Пускай она потом развалится во дворе навсегда, но пусть доедет. Сынуля у меня толстый, и я его не дотащу со всеми тряпками. Помоги мне, пожалуйста.

Перекрестившись, Нина еще несколько секунд посмотрела в облака и перевела взгляд на землю. Встав и стукнув по колесу, Нина кинула гаечный ключ в сумку и потащила за собой коляску. Скрип от нее заглушал пение птиц и цикад.

Мальчишка довольно жмурился под широкой панамой и, выкинув первую сушку, засунул в рот с молочными зубами следующую.

* * *

Нина буквально затащила коляску во двор бабушкиного дома. Огород в этом году был засажен только наполовину и запущен, зато разноцветными букетами повсюду пестрели полевые цветы и сорняки. Особенно густо разрослась аптечная ромашка.

Мать вышла на крыльцо старой избы, нагнулась несколько раз в стороны, разминая поясницу. На ней был надет когда-то «выходной» костюм китайского производства. Темно-пестрый, не мнущийся – то, что надо.

Она с улыбкой рассматривала дочь и внука.

– Вы чё так долго?

– Мама, это не коляска, это недоразумение какое-то. – Нина показала руки, испачканные в машинном масле. – Я её везла на себе.

– Ну, скажешь тоже, – мать поправила русые волосы с проступающей сединой. – Ее всего-то шесть человек до тебя таскали, проходи в дом.

Отгородив себя от крыльца коляской, Нина упрямо забубнила:

– Не хочу. Не-пой-ду.

Мама перестала улыбаться, спустилась с крыльца. Не глядя на дочь, раздражившись от ее упрямства, заворчала, поправляя на внуке панамку:

– Чего это «не пойду»? Не слушай ты соседей, предрассудки всё это. Раз уж пришла, заходи. Бабка тебя, который день ждет – помереть не может.

Сдерживая забурлившую злость, Нина старалась не повышать голоса и говорила сквозь зубы:

– Я сюда, мама, по жаре тащилась, чтобы бабуля правнука перед смертью увидела, ты же меня упрашивала. Вот иди и сама показывай, только в руки не давай. А я в дом не войду!

Мать не хотела, чтобы свекровь померла. У бабы Полины, как у заслуженного работника сельского и медицинского хозяйства, по деревенским масштабам о-го-го какая пенсия. Все-таки пятьдесят лет Полина Анатольевна отпахала фельдшером. А теперь пенсии не будет, крутись только на свои.

Мимо заборчика бабушкиного участка, откровенно заглядывая во двор, прошла пожилая соседка Роза, остановилась.

– Ну, как там баба Полина-то, а, Сергевна?

Похожая на молодую, лет шестидесяти, бабу-ягу, Роза стояла в полуметре от забора и ближе подходить явно не собиралась.

Мать живо обернулась к соседке, надеясь разговорами сгладить напряженную и неприятную ситуацию.

– Да нормально все, надеюсь, недолго осталось, вот дочка привезла внука. Ты б зашла, Розочка, чайку попили бы.

– Ой, нет. – Соседка обернулась в сторону своего дома. – Идти надо, мой ругаться будет.

И она быстро засемила, перекрестившись на ходу три раза и тихо повторяя: «Свят, свят, свят...»

Сплюнув ей вслед, мать вытащила из коляски засидевшегося внука, посадила на сгиб левой руки, поправила костюмчик, оглядела дочь.

– Все бояться. Вот родственницу тебе Бог дал. – Она поднялась на крыльцо. – Ладно, стой здесь.

– Мам... – Нина качнулась вперед.

– Не волнуйся, не дам я его ей.

Подождав немного, Нина прошла на огород, и, чтоб не сильно нервничать, привычно прополола грядку с морковью. Разогнувшись, прислушалась. Тишина.

Она обошла дом, заглянула в открытое окно.

Бабуля сидела за столом, облаченная в длинное вылинявшее сатиновое платье, разговаривала с матерью. Сашка ленился ходить и ползал по чистому солнечному полу.

– Мам, смотри, Саша ползёт к бабушке.

Мать не слышала Нину, заморожено смотря на свекровь, монотонно рассказывающей невестке о погоде в шестидесятом забытом году, когда она, тогда еще просто Полина, наконец-то, в сорок с лишним лет, смогла родить сына Сергея. Нина забеспокоилась, постучала по подоконнику.

– Мам, прими Сашку-то. Ма-ам!

Мать на её слова не реагировала.

Ветер сильно прошелся за окном, зашумели кусты сирени и шиповника. Нина видела, что бабка заговорила мать и Сашка ползет прямо к ней.

Выругавшись, Нина влезла в окно.

Она подхватила сына у самого старухиноного подола. Бабке было тяжело шевелиться, тем более нагибаться, но она вцепилась в руку внучки. Нину шибануло от ее прикосновения непонятной силой. Старая рука держала крепко.

– От судьбы, детка не уйдешь. Передаю от себя к тебе наследственный дар.

Нина посмотрела на очень старое лицо, в мутные, когда-то зеленые глаза.

– Бабушка, ну зачем ты так? Не хочу я, чтобы меня всю жизнь ведьмой дразнили.

– Не ведьма, а ведьмачка. Разные вещи. Нина, это в тебе с рождения было, просто я должна умереть. Я очень старая и очень устала. А Сашка тоже в нашу породу, тоже русо-рыжий и глаз хитрый.

– Бабушка, – Нина невольно заплакала. – Что же мне, как тебе или прабабке моей, так и оставаться незамужней? Теперь же меня никто не возьмет.

– Ой, не могу. – Бабушка мелко захохотала, тряся худыми плечами под старым платьем. – Тоже мне проблема. Без мужиков не останешься. Через вот этот самый дар, который в тебе, и найдешь не просто мужа, а любимого человека.

И лицо бабушки стало настолько серьезным, что Нина ей поверила.

Мать очнулась и тихо смотрела на них. Бабушка похлопала старой рукой по коленке невестки.

– Ну что, Аннушка, сведи меня к постеле, ослабла я.

Встав, Анна поддержала свекровь, помогла ей лечь на высокую кровать. Нина спустила на пол сына, потянулась и впервые улыбнулась бабушке.

– Ну, раз уж это случилось, значит, не надо опять по этой жаре обратно плестись. Чего, мам, у бабули осталось из запасов? На поминки-то хватит?

Вместо матери ответила Полина:

– На полдеревни должно хватить. Самогон я в дровяном сарае спрятала. Специально подальше, чтобы мне лень туда идти было... не баловалась. В подполе какая-никакая закуска. Да не бойсь! Подружки плакать придут – всего нанесут, а те, кто смерти ведьмачки обрадуется, так те еще больше гостинцев притащат.

Сидя на горшке, Сашка старательно кряхтел. Нина пила травяной чай и рассматривала комнату. В старом шкафу-горке, за стеклом сверкала хрустальная посуда, выставленная на показ. На стене, над кроватью, висел, как и у них, портрет отца в форме десантника-дембеля, со всеми наградами и белыми аксельбантами, торжественно свисавшими с плеча на грудь.

В трёх полках, плотно стояли книги – «Справочник медика», «Особенности работы сельского фельдшера», «Принимаем роды дома» и еще два десятка томов со скучными, привычными ей названиями.

– Ба, а что за книги на третьей полке? Не вижу названий.

– Не видишь, – спокойно согласилась бабушка Полина. – Там их нет. Это рукописные травники. Эх, Ниночка, – бабуля сокрушенно покачала головой. – Но есть такая книга, что и сама травы делает ещё лечебнее и силу ведьмачкам даёт... Только мне она не досталась, пропала когда-то, лет двести назад...

– Бабуль, что за книга-то? – меняя памперс Сашке, отвлеклась Нина.

– Как только подержишь в руках, так поймёшь. Мне так бабушка говорила. Никаких денег я бы не пожалела за книгу... да и не в деньгах дело. Может я бы ещё лет пятьдесят протянула, если бы она была. – Полина Анатольевна опустила голову. – Знобит меня что-то, Ниночка... А ты съезди в город, поработай. В этот раз тёмности я не вижу, второго сыночка родишь при муже.

– Я постараюсь.

– Правнучек получился хороший, – не слушала внучку Полина. – Я когда Серёженьку увижу, батю твоего, передам, что дочка и внучек у него замечательные, невестка хорошо себя ведёт, хотя всю жизнь дура-дурой. – Бабушка снова провела согнутыми артритом и годами пальцами по своим глазам. – Ты, Ниночка, пока мать возится с продуктами, нагрей воды, скоро её много понадобится.

К вечеру бабушка тихо умерла во сне.

Позвонили батюшке. Тот отпевать отказался наотрез – и ехать далеко, да и грешница Полина имела не самую лучшую для церкви репутацию.

– И не просите. Никто не уверен даже в том, что она была крещеная. Книги с записями не сохранились, пожгли всё в сороковые.

Тут Аня запричитала, напоминая батюшке, что в последние годы баба Полина постоянно приезжала на Крестный ход на Пасху и жертвовала церкви приличные деньги.

– Расскажу по деревне о вашем отказе, во бабы-то обрадуются.

– Я ее заочно отпою, – успокоил батюшка. – Теперь это можно. Диктуйте все данные.

Долго ждать не стали, похоронили через день и шумно, с песнями и плясками, с искренним плачем и прощаниями справили поминки.

В четырех деревнях затаились, боясь спросить, кому старуха передала свой ведьминский дар, ждали, у кого он проявится.

Месяц было тихо, начали уже подумывать, что ввали про Полину, и она просто как медик могла в полвзгляда определить болезнь.

В начале июня подоспели сразу три дня рождения. У владельца сыродельного цеха Геннадия Семеновича, у сорокалетней Оксаны, владеющей магазином и у агронома, не пожелавшего выйти на пенсию, Николая Тимофеевича.

Начали в трёх домах праздновать прилично. С красивым застольем, с приглашенными гостями в праздничных одеждах, с подарками. Приходили и питерцы из двух домов, пьющие ничуть не меньше местного населения.

Ели и пили весь вечер, пели и пили всю ночь, несколько раз пытались подраться, а утром страдали похмельем. В деревне практически не осталось трезвого мужика, бабы тоже празд-

новали от души, но они хоть иногда переключались на хозяйство и детей и за мужиками не попевали.

Хотя и среди баб некоторые отличились, особенно местная шлюшка Мила. Её опять заметили на сеновале, но, по причине пьяного косоглазия, выяснить, с кем она копошилась в эту ночь, не смогли. Вечером каждая хозяйка, на всякий случай, дала подзатыльник мужу и затрепщину старшему сыну. За несколько лет до этого Милка прошлась по всем мужикам в окрестных деревнях, кто мог бы выставить пол-литру. Все знали, что по праздникам гулевая деваха «давала» просто так, из щедрости, но авансом.

Нина и Анна знали о её похождениях больше других, она жила в соседнем доме и часто «полюбовнички» уходила огородами через их участок.

Нина, как личность, Милу не воспринимала, не высказывая ни осуждения, ни одобрения. Анна искренно Милу ненавидела. В своё время и её Сергей «отметился» в постели Милки, и Анна была окна у соседки.

В последнее время Мила приутихла. Сказывался возраст и то, что три года назад она родила сына Женьку. Ходили слухи, что Женя от Алексея и сильно на него похож. При расспросах Мила нагло отшучивалась: «Вот накоплю денег на генетическую экспертизу и подам на алименты. Представляю, как бригада медиков ходит в нашей деревне по домам и у всех ваших мужиков берёт анализы. Во, смеху-то будет!» Женщины не смеялись.

Только фермерша Ольга, точно знала, с кем была Милка в загульную ночь, и выгнала мужа Алексея из дома. Сначала шальная Милка была довольна и ждала Алексея у себя, но зря надеялась, он ушел жить в дом матери с намерением через недельку вернуться к жене, всегда его прощавшей.

С утра к Нине сначала в медпункт, а затем домой стали забредать за таблетками страждущие исцеления поселяне и поселянки. Нина продавала аналгин и алкозельцер, а Оксана в своем магазине не менее полезное лекарство – пиво.

Днем по жаркой пыльной дороге ходили деловые куры, торопящиеся женщины и ослабленные мужики. К обеду гости опять потянулись в три дома, прихватив закусь.

Нина сидела с ребенком, пока мама гульбанила у подружек. Вчера Нина зашла на часик к тёте Оксане, у которой всегда было весело, но не пьяным угаром, а юморной компанией. На двадцать минут заскочила к агроному Николаю Тимофеевичу и буквально на десять минут заглянула к Геннадию Семеновичу, он приходился ее покойному отцу троюродным братом.

Его она поздравила особенно быстро, подарила коробку аспирина, постояла с одной стопкой и ушла. Это не потому, что она такая трезвенница, а потому, что Геннадий Семенович основательно положил на нее глаз. Пожилой, грузный, краснорожий, он начал зарабатывать большие деньги, продавая сыр в областной город. Постепенно охамел и грубо щупал всех баб подряд. Нину пощупать пока не удавалось и поэтому особенно хотелось.

Сегодня вечером Нина, всучив подгулявшей матери Сашку, забежала к однокласснице Ларисе и запросто выпила две рюмашки с остальными гостями.

Бывшая подружка Валентина громко говорила о замечательной жизни с Пашей, о его выдающихся деловых и сексуальных качествах, но ее не слушали. Хорошо тебе с мужем – сиди, молчи, не трепись, а то сглазят. Зато обсудили Милку с её «выдающимся на передок» поведением и алкоголизмом, Ольгу с её сумасшедшей любовью к молодому мужу. А ещё сетовали на подорожание продуктов и электричества.

В сумерках, когда стало возможно спокойно дышать, по пыльной, непривычно многолюдной улице, Нина отправилась домой.

Проходя мимо пруда, она, вспотевшая в душной избе, увидела купающихся соседок, тут же скинула юбку с блузкой, бюстгальтер с трусиками, и нагишом плюхнулась в прохладную воду, пахнущую ряской и летом.

Темнело. Геннадий Семенович вышел из своего прокуренного дома с ошалевшими от пьянки шумными гостями, к большому пруду. Там, разогнав детей по домам, плескались, хохоча, раздетые женщины.

У Геннадия год не вставал в нужном градусе любимый орган. Сейчас от одного взгляда на смеющуюся в пруду Нину, высокую, гладкую, с большой грудью, с рельефной талией и крутыми бёдрами, с каплями воды, стекающими по телу, у него «встало» с полшестого на без пяти двенадцать.

Геннадий Семенович прислонился к ближайшему дереву, радуясь своему состоянию. Упускать счастливый случай он не собирался. А что какая-то деваза может быть против его домогательств, ему и в голову не приходило.

Выйдя из пруда, Нина отряхнулась, надела на голое тело юбку и ставшую прозрачной от воды блузку, прихватила босоножки, нижнее белье и пошла к дому босиком, на ходу застегивая блузку. Шла не по дороге, а огородами, сокращая путь.

Дышалось вечером легко, травы пахли дурманяще...

Из-за пустой бочки для воды, стоявшей неподалеку, вышел мужчина. Нина сначала не поняла, кто это, а пока соображала, Геннадий Семенович зажал ей рот и бросил на траву. Нина сильно ударилась головой и разозлилась. Лицо Геннадия Семеновича было безумным, изо рта воняло перегаром, луком и старым сыром.

Широкая, распластанная тяжелой многолетней работой кисть мужской руки, задрал подол, раздвигала ее ноги и пыталась влезть внутрь. Было больно и унижительно.

А Геннадий удобнее устраивался коленями между ног Нины. Сопротивляться полутора центнерам даже ей, девушке очень не слабой, не было возможности. От бессилия Нина на мгновение расслабилась... и тут же, вместо руки, между ее бедер оказался совсем другой предмет. Твердый и здоровый.

Будучи девушкой деревенской, знавшей, и откуда дети берутся, и как ливерная колбаса делается, Нина правой рукой схватила горячий мужской член в кулак, подбирая цепкими пальцами левой руки всё «хозяйство».

Три секунды Геннадий Семенович прислушивался к своим ощущениям. Затем завыл так, что все окрестные собаки подняли лай, ожидая нападения не только волков, но еще медведей и вурдалаков.

Геннадий попытался вырваться, или дать в глаз заартачившейся молодой медсестричке, но Нина беспощадно тянула и карябала ногтями кожаный «предмет» на себя, не давая никому очухаться.

Резко освободив «хозяйство» Геннадия, Нина отпрыгнула от него и побежала, но Геннадий Семенович продолжал кричать. Нина остановилась, обернулась. Владелец сыродельного цеха сидел на земле, держась за причинное место, раскачивался и выл.

Нина постояла и подошла к мужчине.

– Что там, у вас, Геннадий Семенович?

– Не зан-а-а-ю! – скулил Геннадий Семенович. – Бо-о-ольно! Гори-и-т!

– А меня заваливать – не больно? – нежно спросила Нина. Ей мужчину, которого за глаза в деревнях кликали «сырный самец», было не жалко.

– Ку-урва! Убью!

– Тоже мне убивец. Сначала на ноги встань. – Нина наклонилась ниже. – Еще раз полезешь – навсегда искалечу.

От дома Геннадия, распаренная и злая, бежала его жена Люська.

Она подскочила к ним с криком «Ах вы сволочи, обнаглели совсем!», но перестала ругаться, разглядев в темноте, что с мужем не ладно.

– Генка, ты чего?

– Упал, блин, Люся, прямо на камень... – Геннадий говорил и шипел от боли. – Встать помоги. Водки надо выпить.

– Ты что же, – Люся обежала Нину и мужа с видом кошки, рыскающей за мышью в темноте. – Голым хером на камень угодил? Это как же ты? Специально? Всех баб в округе отымел, теперь «корнем» в землю полез?

Люська зыркнула на Нину, но та подняла ладони. Одежда на Нине была в норме, Генка-самец не успел ее измазать или порвать. Поэтому Нина совершенно спокойно соврала:

– Я здесь ни при чем. Вижу, человек упал и воет, я подошла ближе, медицинскую помощь оказать, а тут как раз и ты прибежала.

Врать Нинка не умела совершенно, но при степени опьянения Люськи, да еще в крошечной темноте не было видно ни блестящих глаз медсестрички, ни того, что трусы, бюстгальтер и босоножки, отброшенные во время драки, валялись в метре от Геннадия.

Мало что соображающая к концу второго дня празднования Людмила увела мужа домой.

На следующее утро, в магазине, все бабки и женщины смотрели на Нину волком. Зато мужчины с интересом.

Только Оксана, у которой после собственного дня рождения разламывалась голова, выдавая хлеб и взвешивая карамельки, поглядывала на молодую подружку с понимающей кислой улыбкой.

Тётка Роза держащая под локоть мало что соображающего муженька, со смешком подытожила:

– Значит, новая ведьмачка у нас объявилась? Та хоть последние десять лет особенно не ходила, а эта вишь кака шустрая, уже мужиков чужих портит, сестра милосердя хренова.

Теща Геннадия Семеновича, бабка тихая и маленькая, побледнела и заверещала: «Зятя маво покалечила вчерась! Сваво мужика заведи, неча на других смотреть!»

Нина отошла от прилавка и спокойно ей сказала:

– Сдался он мне сто лет.

– А чего тогда приставала? Охальница, ведьмачка, блядь.

Бабка плюнула на пол перед Ниной. Остальные старухи тоже что-то зашелестели, но Нина взглянула на них, сама чувствуя, что взгляд стал другим. Женщины замолчали и отошли ближе к витринам.

– Всю жизнь к моей бабушке за медпомощью и травами бегали, заговоры от болезней списывали, а теперь ругаетесь? – возмущенно заговорила Нина. – Да твой зять, Екатерина Ильинична, только что коров не дерет, а так по всем бабам прошелся. Так ему и надо, хряку вонючему.

Хотелось Нине выйти из магазина красиво, громко треснув дверью, но тяжелая магазинная дверь по случаю жары, была открыта нараспашку. Пришлось просто гордо сбежать по трем ступенькам вниз.

– А, действительно... – Соседка Ильиничны повернулась к старушке. – Ты чего темнишь-то? Чего она у него покалечила?

– Общее здоровье, – решительно заявила Ильинична, пожалев, что вылезла со своим длинным языком, а ведь дочь просила не трепаться. – Иммунитет.

Бабки, что-то такое слышавшие по телевизору, испуганно замолчали.

– Типун тебе на язык, Ильинична, – лениво перебила старушку Оксана. Взяв из пластикового ведра за хвост толстую селедку, она вложила ее в пакет и взвесила на старых весах,

оставшихся с прошлого века. – Хер она ему, девушки, попортила. Сидит теперь Гена, лёд прикладывает. Он раздулся... – Оксана оторвалась от взвешивания и показала размер полулитровой банки. – Вот такой стал. Мне Люська рассказала. А не фиг хер пристраивать туда, куда не просят!

И бабки, и две вновь вошедшие женщины прыснули от смеха, глядя на покрасневшую от злости Ильиничну.

– Да уж, зять у тебя «ходок». Молоко в его цех сдаешь, а он за сиськи лапает, – возмущилась женщина помоложе. – Стоишь, как корова дойная, и терпишь. А то молоко не купит! Куда его тогда девать? Сволочь он, зятек твой, Ильинична.

– Кстати насчет молока, – негромко, но как-то недобро сказала Валентина, и все замолчали. Валя достала из пакета и чуть выше подняла полутора литровую бутылку из-под минералки. – У меня корова стельная, не доится, я сейчас к Шебылиной зашла, займы молока взять. Она при мне доила. Так вот...

Все посмотрели на бутылку. В ней, разделившись на простоквашу и ижицу, виднелось свернувшееся молоко.

– Точно, – перекрестилась тётка Рая. – И бабка Поля, бывалочи, как пройдет мимо двора, так у меня все молоко сворачивалось.

– Я ж говорю, ведьмачка. – Уже не так громко, без визга, утвердила Ильинична.

– А бутылка у тебя, Валька, грязная, и на дворе плюс тридцать, и Нинку ты не особо любишь. Так что здесь, бабоньки, думать надо. – Сама себе, но для всех дополнила продавщица Оксана.

– Это ты её защищаешь потому, что она медик и на тебя санэпидемстанцию не насылает. – Зашипела Валька.

– Или потому, что здесь, может, другие горе-ведьмачки есть! – не осталась в долгу Оксана.

Поднялся гвалт. Замолчали, когда вошла Ольга. В магазин она заходила редко, отоваривалась намного и Оксана заорала: «Ша, бабоньки! Мне работать надо». Здравствуй, Оксаночка. Слыхала, чё вчера случилось?

И все бабы стали рассказывать Ольге о Нинкином поступке.

Выслушав, Ольга лениво оглядела женщин, пастуха Стаса и вечно пьяного мужа тётки Раи.

– Между прочим, Нинка мне племянница.

И все на минуту замолчали.

* * *

Придя домой, Нина выложила хлеб на стол веранды и стояла, стараясь отдышаться от быстрой ходьбы. Мама кормила Сашку, впихивая кашу в розовый рот капризного божества.

– Ты чего такая смурная? Обидевши тебя кто?

Сев на соседний стул, Нина, прихватив тряпку, стала вытирать стол от каши.

– Все, мама, не дадут мне теперь жить спокойно.

Анна отложила ложку, вытерла «слюнявчиком» измазанную физиономию Сашки.

– А че, Геннадий Семенович проговорившись? – Она сняла «слюнявчик» и спустила внука на дощатый пол.

– Да... Так он еще сказал, что это я к нему приставала.

– Вот сволочь! – возмутилась мать. – Вот он с детства сволочь! Я же с ним в одном классе училась, знаю...

– Сволочь, не сволочь, а мне тут больше делать нечего. – Нина убрала хлеб в дырявую кастрюлю, служившую хлебницей. – Ты, мам, не беспокойся. Давно надо было в город ехать, счастья пытать. Не уехала я бы раньше, сейчас уже и комната в Боровичах от больницы была бы.

– Какая такая комната, если у нас хозяйство? – Мать махнула в сторону окон, выходящих на огород.

С веранды были видны ряды кустов картошки, грядки овощей и полукруглая застекленная теплица, похожая на павильон Ботанического сада. – Живи и радуйся.

– Мама, меня с детства бабушка учила, что таких, как мы с нею, бояться. За травку, за заговор, тебе спасибо скажут, глаза от умиления вытрут, а как спиной повернешься, так пошлют к черту и одновременно перекрестятся. Мракобесие какое-то. – Нина взяла на руки сына, поцеловала в теплую макушку. – Ты же знаешь, если что случится, наш дом пожгут. Мне рассказывали, как в пятидесятых годах бабушкин дом подожгли...

– Так ее не за это! – Анна улыбнулась. – Она сама рассказывала. Её за то, что она спирт не списывала, да с начальством не делилась. Да, пожечь хотели, так ведь обошлось.

Нина вошла в дом, оглянулась в проеме двери веранды. Мать поразилась, до чего дочь похожа на молодую Полину, что на фотокарточке. Высокая, сильная, стройная.

– Нет, мама, я как сегодня наших бабок да тёток увидела, так сразу поняла, что «всё». Только Сашку жалко оставлять.

– Ой, а то полдеревни с внуками не сидит, пока дети работают в городе. Об этом ты не волнуйся, справлюсь. Езжай, Нинка, в дому ой как живая копейка нужна.

* * *

К вечеру Нина собрала вещи, а утром села на первый автобус. Оделась по-городскому, в джинсы, и открытую футболку.

В полупустом автобусе женщины поздоровались с Ниной сквозь зубы. Она устроилась на пыльном заднем сидении и видела, как входившие в автобус пассажиры из соседних деревень сначала радушно со всеми здоровались, а потом, наклонив ухо к соседке, услышав что-то, с неприязнью косились на нее.

В Боровичах Нина пересела в другой автобус. Через два с половиной часа должен быть Великий Новгород. Неожиданно в пути её сморило. В сонном состоянии Нину высадили на какой-то остановке, оказалось, сломался автобус. Минут через двадцать подогнали другой, и она влезла в него, доплатив деньги. Сил возмущаться не было, и она заснула, как только села на своё место.

Разбудили её на конечной остановке. Нина, сонно слышала: «Москва, прибыли, освободите салон автобуса». Выйдя на площади перед Ленинградским вокзалом, Нина поняла, что проехала дальше, чем рассчитывала.

«Ну, значит, это судьба», – решила Нина, подняла чемодан и двинулась к зданию вокзала.

* * *

В большом гулком здании она сразу подошла к молодому милиционеру и поставила около него чемодан.

– Я извиняюсь. Вот приехала, а меня не встретили. Вы не подскажете, где тут устраиваются в «скорую помощь»?

Милиционер обошел девушку, рация у него в руке ругалась матом, давая кому-то указания.

– А чего у тебя болит-то? – Деваха милиционеру понравилась. Особенно фигура, настоящая, женская, как у его мамки и тётки. Рост хороший, плечи в широком развороте, большая грудь и крупная, возбуждающая попа.

– Ничего не болит. – Нина шмыгнула курносым носиком. – Я медсестра, мне на работу устроиться надо.

– А-а, понял. Тебе, наверное, в институт Склифосовского, здесь недалеко, пешком дойдешь, а то ехать дорого. Пойдем, покажу направление.

Милиционер скоренько пошел к выходу. Нина, скособочившись от тяжелого чемодана, большую часть которого занимали домашние десять килограммов продуктов, загруженных мамой «на первое время», засемила за парнем.

– А ты не знаешь, там жилье дают?

– Дают. – Оглянувшись, милиционер остановился. – Передохни. – Ты, слышь, не обижайся, дальше я тебя проводить не могу. Тебе вон туда. – Милиционер сделал отмашку рукой. – Нам постоянно приходится общаться со «сто двенадцать», так я точно знаю – им общежитие дают.

– Спасибо тебе. – Нина от души пожала милиционеру руку. – Вот мне свезло тебя встретить.

Подняв чемодан, девушка пошла к переходу.

Молоденький милиционер тоскливо смотрел ей вслед. Начало лета, июнь. В деревне пахнет травой, по утрам будят птицы и петух. Мать посылает на скотный двор двух младших сестер, кормить животных и доить корову. А он спит, отдыхая на чистом крахмальном белье на кровати под окошком, веселое солнце бьет в глаза. Пахнет свежесорванными укропом и луком, добавленных в окрошку с шипящим квасом...

...А тут – круглосуточная гарь, вой автомобильных сирен по ночам, гул постоянных машин, зассанные бомжи и затюканные до агрессивности нелегалы-гастарбайтеры. Но здесь, в городе, есть то, без чего и красоты деревни не в радость – деньги.

Юля

МОСКВА

В кошельке одиноко и сиротливо лежала пятисотрублевая купюра. Вздохнув, Юля закрыла кошелек, стащила с себя домашнюю юбку и натянула джинсы. Одернув мятую футболку, она решила, что даже в темноте футболочка больше подходит для дворников-узбеков в конце рабочего дня, чем для творческой девушки под тридцать лет, желающей зайти в магазин для приобретения скромного количества сорокоградусного напитка.

В зеркало Юля не смотрела, не хотела портить себе настроение. Половина ее лица была испорчена большим бордово-синеватым родимым пятном. К тому же она, как и подавляющее большинство «девушек на грани тридцати», набрала лишние двадцать килограммов, отрастила второй подбородок и постоянно забывала «подремонтировать» два зуба, благо они никому, кроме нее, не были видны.

Томясь из-за каждой минуты задержки, Юля быстро переделась и забрала с обувной тумбочки ключи от квартиры.

Скрипя подошвами кроссовок на поворотах в коридоре, она, ткнув кнопку вызова, встала перед дверями лифта и, переминаясь с ноги на ногу, стала ждать его приезда.

Еле выдержав путь, Юля выбежала из подъезда. Не замечая теплоты вечернего июня, видя желанную цель – вывеску магазина «Нельсон» – Юля рванула вперед.

За четвертинку водки, за банку крепкого пивасика «Охота» и пачку сигарет с нее попросили в аккурат четыреста девяносто девять рублей.

Выйдя из магазина, Юля хрустнула заклепкой пивной банки и с наслаждением сделала несколько глотков дешевого пива. Ощущение получилось... то, что надо, ощущение. И, разумеется, именно в мгновения кайфа, когда невозможно оторваться от банки, раздался звонок мобильного.

– Юляшка-промокашка, толстополая кругляшка! Я придумал тебе работу! – заурчал голос Ильи Розенблюма, одноклассника по художественному училищу. – И планирую сегодня вечером к тебе завалиться. Ты одна?

– Не одна, Илья, – сделала суровый голос Юля. – Как раз сегодня приехали с дачи мама с папой. Я сейчас бегала за сахаром, и мы собираемся варить клубничное варенье.

– Какое совпадение, – тускло заговорил Илья. – Я в Интернете для тебя надыбал охрнительную работу – сбор клубники на полях совхоза «Имени Ленина». И витамины, и похудание. С завтрашнего дня набор сборщиков и так на полтора месяца.

Стоя с двумя поднятыми руками, одна из которых держала пакет и банку с пивом, а вторая – телефон, Юля замерла. Ей невероятно захотелось свежей клубники.

– Диктуй маршрут. Клубника сейчас дорогая, можно заработать, а я без денег.

Пока Илья нудно объяснял схему проезда, Юля успела дойти до своего подъезда. Путь к двери перегородила разворачивающаяся для парковки черная «Опель-Астра». Юля рассчитывала быстренько проскочить мимо нее, но водитель, занимая свое автомобильное место, пропустить девушку не мог, и ей пришлось ждать, когда можно будет войти в подъезд.

При виде вышедшего из машины соседа – вечно сосредоточенного и слишком правильного стоматолога Ивана, ей захотелось запустить в стекло автомобиля пивной банкой с разлета, добавить четвертинку водки и усилить результат пачкой сигарет... но купленных «продуктов» было жалко.

В лифте пришлось ехать вместе. В него набилось порядком народа, притиснувшего Юлю и Ивана к задней стенке. Юля старалась дышать через раз, оставляя руку с банкой пива в сторону соседа Евгения Анатольевича, тоскливо косившегося на банку с сивушным запахом. Вождения соседа Анатольевича Иван не разделял, ему запах дешевого пива не нравился.

К пятнадцатому этажу Юля и Иван остались в лифте одни. Неприязненно оглядев Юлю, Иван демонстративно отвернулся, стараясь не портить себе настроение лицезрением соседской «особи». Мало того, что не красавица, помеченная пятном, так еще и вечно пьяная.

Из лифта Юля выпрыгнула первой, стараясь как можно быстрее оказаться в своей квартире, запереть за собой дверь, отдышаться от неприязненного взгляда Ивана и немедленно выпить первые пятьдесят граммов водки.

После «сотки» и настроение поднялось. Поработать, что ли? Она могла позволить себе устроить мастерскую по разрисовке батика в одной из комнат своей квартиры. Родители разрешали дочери делать все, виня себя в родимом пятне на ее лице.

Подойдя к двойным дверям маленькой комнаты, Юля решила ее не открывать. И рука после водочки не твердая, да и пиво необходимо допить. И если совсем честно, то работать совершенно не хотелось. Больше, на что она была сейчас способна, – заняться своим лицом.

Зайдя в ванную, она взяла со стеклянной полки флакон, за который отдала в прошлом месяце полторы тысячи. В мутной жидкости плавали тридохлых южноамериканских таракана. Юля использовала уже половину жидкости, но пятно не сходило, не бледнело и даже, кажется, начало покрываться короткой шерсткой.

Проведя несколько раз ватным тампоном по ненавистному пятну, Юля бросила ватку в раковину, потрогала мешки под глазами.

– Какая на фиг работа? Какая к едреням собачьим клубника? Жить не хочется.

Иван

МОСКВА

Придя с работы, Иван посмотрел на дверь своей квартиры. Бабушка ждала на пороге, закрывая внушительным телом почти весь дверной проем. Как всегда ее крашенные в розовый цвет волосы, были прекрасно уложены, длинный халат выглядел новым, на ногах не тапки, а мягкие домашние туфли, на руках.

Не нарушая тишины лестничной клетки, Татьяна Ивановна сделала приглашающий жест внутрь квартиры.

Приветственно поцеловав бабушку, Иван в один шаг встал на чистейший коврик, переобулся в тапки. Затем были обязательный и душ переодевание в спортивный костюм. На кухню он вышел свежим и готовым для принятия ужина.

Фотографию кухни можно было публиковать в мебельном каталоге под названием «Кухня стандартная, средне дорогая, стерильная. Начало двадцать первого века».

Сев за сервированный по всем правилам стол, Иван с сомнением посмотрел на бабушку.

– Мама будет ужинать?

– Ей не до еды. – Татьяна Ивановна выставила из холодильника салат из овощей и пакет малокалорийного майонеза. – У нее творческий взлет, чувствуешь, как тянет табаком?

Иван замер с майонезом в руках, а бабушка с тарелкой с куском нежной телятины и овощами, приготовленными на пару. Оба глубоко вздохнули и тяжело выдохнули. Они ненавидели табачный дым и любые другие излишества, бесполезные для человеческого организма.

«Бесполезным» тянуло из маминой комнаты, но ни бабушка, ни сам Иван ничего с этим поделать не могли. Во время редких лекций о правильной и здоровой жизни, мама смотрела сквозь своих близких, показывая всем видом, что полностью с ними согласна. А после шла к себе в комнату и выпивала бокал хорошего белого вина.

Род занятий Екатерины Юльевны был необычен: она писала музыку к рекламным роликам. Специализировалась на йогуртах, кондитерских изделиях и детских товарах. Работу свою халтурой не считала, относилась к ней со всей серьезностью и даже гордилась. Еще Екатерина Юльевна написала музыку к детскому фильму, и не сомневалась, что несколько созданных ею серьезных произведений, которые она постоянно совершенствовала, принесут ей мировую славу.

Мечталось именно о славе, поскольку денег за «рекламную» музыку хватало на безбедную жизнь.

Сама Катерина свои заработанные деньги не тратила – за нее это делала мама. Привыкнув к царствованию в их семье Татьяны Ивановны, дочь особо не возмущалась. Ей, конечно же, иногда хотелось прошвырнуться по магазинам. Но из продуктов она покупала совсем не то, что было нужно для дома, например, трехлитровую банку мандаринового варенья, на которое у всех, в том числе и у нее, была аллергия, или торт размером с небольшую башенку.

Хуже было, когда Катерина рвалась улучшить домашнее хозяйство. Случайно зайдя в универсам «Фамилия», она однажды купила шесть килограммов стирального порошка, десять пар резиновых перчаток, три упаковки мыла по шесть штук в каждой, по пути прихватила наполненную керамическую вазу, и два пальто – для себя и любимой мамочки.

Мыло и стиральный порошок пристроили в ванной. С пальто тоже все образовалось – маме понравился молодежный покрой. Перчатки отдали уборщице по подъезду. Но вот куда девать полутора метровую «вазочку», сразу выкинуть или поставить в самый темный угол, Татьяна Ивановна решала три дня.

На счастье подоспел день рождения ее сестры, и Татьяна Ивановна благополучно спланировала ей сувенир. Сестра была в восторге, она до сих пор любила туристические походы, песни у костра и собирать камыши и сухоцветы.

Услышав, что мама к ужину не выйдет, Иван сделал расстроенное лицо, хотя перед бабушкой играть не стоило, но привычка...

– Жаль. – Он отложил на минуту вилку с ножом. – Бабуль, а как можно выселить человека, если он не соблюдает правил совместного общежития?

– Ты про кого? – Прищурившись, бабушка уверенно кивнула подбородком в сторону соседей. – Юлька тебе покоя не дает?

– Но она пьет! И вид у нее... непрезентабельный, снижает высокий рейтинг внешнего вида нашего элитного дома.

– Иван, – встав у плиты привычным постаментом, как перед школьной доской, бабушка, держа ложку в руках, начала объяснять прописные истины. – Во-первых, это мы сюда переехали два года назад, а они эту квартиру купили с первого года постройки, то есть они старожилы. Во-вторых, Юля девушка странная, но хорошая...

– Какая она девушка, ей уже тридцатник, пора за ум браться...

– Не твое, Ваня дело, как она живет, – начала сердиться бабушка. – С чего ты к ней привязался? У нас полподъезда выпивает, Юля по сравнению с ними ангел. Хотя с такой отметиной на лице поневоле сопьешься.

– Дело не в лице, – отмахнулся вилкой Иван. – И вообще она же не одна, у них семейный подряд. Муж ее так вообще на бровях приползает.

Татьяна Ивановна положила в мойку ложку.

– Невнимательный ты к другим людям, Ваня. Юля два месяца как развелась. Ты мясо будешь доедать?

Иван посмотрел на свою тарелку, где лежала половина мяса.

– Нет, наелся. Как подумаю, что эта... животная живет на одном этаже со мной, так пропадает весь аппетит. И еще в квартире накурено! – Откинув салфетку, Иван встал. – Спасибо, бабушка, я к себе. Попробую поработать над диссертацией.

– Иди, Ваня, иди.

Накрыв тарелку с недоеденным мясом пищевой пленкой, Татьяна Ивановна убрала еду в холодильник. Часа через два, когда у дочери иссякнет творческий запал, она возникнет на кухне и будет есть всё, что найдет.

Был случай, когда Катерина съела сырой фарш, полив его соевым соусом. Однажды смолотила подряд семь пирожных «эклер» и утром жаловалась на легкую тошноту. Она запросто могла смазать соленый огурец малиновым вареньем и горчицей.

И при всех излишествах Катерина оставалась стройной интересной женщиной с прекрасной кожей и отменным здоровьем. А вот Татьяна Ивановна жестко боролась с каждой калорией, но они все равно побеждали, и постепенно тело женщины разрослось до ста килограммов.

Открыв свою почту, Иван согнал на жесткий диск фотографии зубных рентгенов и свои замечания, сделанные сегодня на работе, и отправил на распечатку.

Пока принтер выдавал фотографии, Иван переложил бумаги в одну стопку, выровняв их до миллиметра.

По собственному расписанию он сегодня должен был просидеть за компьютером до одиннадцати.

Нина

МОСКВА

В больнице, которую в народе звали просто «Склиф», Нину попросили сдать чемодан. Оглядев охранников строгим взглядом, Нина все-таки отнесла чудо советского галантерейного производства – тряпичный чемодан в клеточку – в камеру хранения. Там ничему не удивлялись, в эту больницу круглосуточно приезжали со всей России и окрестных стран.

Поплутав належке по длинным коридорам больницы, Нина нашла отдел кадров и, постучавшись в кабинет, тут же вошла с протянутым паспортом и дипломом медсестры.

– Мне бы на работу.

Три занятые женщины смотрели на нее без всякого интереса.

– Медсестра широкого профиля? – по-московски растягивая букву «а», неспешно спросила женщина средних лет. – Гражданство, как я понимаю, российское.

– Я из Новгородской области, из деревни Кашниково, – заторопилась объяснить Нина, оставаясь стоять в дверях.

– По тебе сразу видно, что «Кашниково», – прокомментировала та же инспекторша. – Проходи ко мне, садись.

Осторожно присев на край стула, Нина взяла протянутую ручку. На столе появились бланки.

– Только есть маленькое «но». Медсестер в нашей больнице хватает своих, у нас ведь кафедра, и они проходят практику от мединститута, а вот с нянечками – беда. Если две недели отработаешь нянечкой, то переведем в медсестры. Согласна?

– А сколько платят? – несмело спросила Нина. Услышав цифру, в три раза превышающую ее зарплату в Кашниково, тут же кивнула головой. – Согласна.

– Вот, заполняй, – преувеличенно душевно инспекторша глянула Нине в глаза и спросила тоном давней подружки: – Пьешь, много куришь?

– Не-ет, – убежденно ответила Нина. – У нас даже когда вся деревня запивает, так я держусь, и спирт из аптеки не продаю и не обмениваю. И не курю совсем, не люблю.

* * *

В тот же день Нину устроили в общежитие, и она поселилась в комнате с тремя нянями-узбечкам. Женщины по-русски говорили плохо, на Нину смотрели с неприязнью. Она была слишком крупной, белокожей и на её лице не было вечного беспокойства, что сейчас спросят пропуску. В комнате узбечки безостановочно щебетали на своем языке, по общежитию ходили в длинных платьях, в расшитых теплых тапках и в шароварах. От них пахло пловом и нестиранным бельем.

В первую ночь в общежитии Нина не могла заснуть. Лежала, смотрела в потолок, прислушивалась к дыханию восточных женщин. Одна из них храпела, другая сопела, третья часто пукала. «Не уживусь», – подумала тогда она.

Больше проблем со сном у Нины не возникало, настолько уставала.

Нину определили в хирургию. Работы в отделении оказалось много, и была она самой грязной, какую можно придумать. Выкидывать из операционной перевязочные бинты и распределять «биологические отходы» состоящие из отрезанных повреждённых тканей, а иногда и из органов. И ещё таскать за больными судна в туалет.

На мытье полов в палатах и в коридоре Нина отдыхала.

Появление Нины, на пол головы выше большинства медсестёр, произвело впечатление на мужскую часть медперсонала.

Заслуженный хирург, Степан Васильевич и его ассистент, Армен, проводили взглядом новенькую, переглянулись. Степан Васильевич высказался первым.

– Ты глянь, какая аппетитная, свеженькая.

– И обратите внимание, абсолютно здоровая. Сразу хочется... поставить диагноз. Но боязно, – с лёгким армянским акцентом ответил Армен.

– Да уж, если такая вломит, мы окажемся рядом с пациентами.

И всё-таки в очередное ночное дежурство Армен Вазгенович, тридцати лет отроду, избалованный женщинами с четырнадцатью лет, пробрался из ординаторской в комнату сестры-хозяйки, где спала Нина. Предложил попить чайку.

Имея печальный опыт общения в комнате сестры-хозяйки, Нина взяла врача за руку, вывела в коридор и спокойно пообещала:

– Полезешь – огрею судном по голове, а что будет в судне, так это дело случая. Мало ли, может у больного понос окажется, дизентерийный.

Армен предупреждению поверил, больше не лез.

* * *

Глафира Ивановна, старшая медсестра отделения, день и ночь пропадающая на работе, заметила аккуратность и работящность Нины и «поощрила» ее оригинальным способом. Она разрешила Нине задерживаться после смены на два часа и помогать медсестрам.

Через три дня Нине, помимо помывочных работ, приходилось делать сложные перевязки после автомобильных или производственных травм.

Первыми почувствовали особенность Нины женщины. И уколы она делала безболезненно, и раны под ее перевязками заживали быстрее.

Новость тут же стала легендой отделения. Люди, следящие за своим здоровьем, просили лечащих врачей, чтобы за ними «посмотрела» Нина. Старшая сестра даже брала за неё деньги и «подношения». Нине доставались крохи, и не деньги, а мелкие подарки.

В общежитие Нина возвращалась усталая и, сходя в общий душ, бессильно падала на кровать. Засыпала она, еще пока снимала халат. Узбечки, сочувствуя Нине, ненадолго замолкали, давали ей заснуть.

Через десять дней работы по двенадцать часов в сутки Нина почувствовала изнеможение всех сил организма – и физических, и моральных. Она решила бросить «Склиф» и вернуться или в Боровичи, или в Кашниково.

Позвонив маме с жалобой на усталость, услышала в ответ, что пора бы поставить на их участке еще одну теплицу и отремонтировать подпол, в котором подмыты кирпичи с северной стороны.

– Мама, если я столько буду работать, то тебе придется не кирпичи покупать, а мою могильную надгробную плиту.

– Шутки у тебя, Нина, медицинские.

– На что способна, мама, на то и шучу. Как Сашенька?

– Сашенька толстеет, вопит с утра до вечера, то конфет, то телевизора требует. Ему тоже, между прочим, денюшки для еды нужны.

– Поняла, мама, поняла.

Положив телефон в карман халата, Нина с тоской смотрела в окно, на соседние корпуса больницы, на скудную зелень больничной территории.

– Господи, как же мне нужен отдых. Но если возвращусь в Кашниково – засмеют.

В первый выходной Нина решила посмотреть город. В Москве она была впервые. На экскурсии их возили только в Великий Новгород.

Для «выхода», Нина надела джинсы, собственноручно связанную ажурную кофточку и, не привычные кроссовки, а туфли.

Стоя на Садовом кольце, Нина минут пять наблюдала за бесконечным потоком автомобилей. В минуту проезжали сотни машин на восьми полосах. И все, как одна, страшно дорогие.

Людей на улице было столько, сколько Нина не видела за всю жизнь. Великий Новгород город, казавшийся ей огромным, теперь вспомнился провинциальным городком.

Нине понравилась чистота города. На улице – ни фантика, ни пустой бутылки, всё время ходили парни в зелёной униформе и убирались. А когда она прошла по переходу на другую сторону Садового, к торговому центру, то своими глазами увидела, как мрамор стен мыли пенящимся шампунем.

Торговый центр блистал стеклянными дверями и витринами, металлом ручек, перил, лестниц. Постояв в холле и оглядывая этажи бутиков, или как там называются магазинчики, Нина решительно подошла к эскалатору.

На втором этаже она зашла в обувной раздел и поразилась красоте представленных моделей. Фантазия модельеров удивляла разнообразием. Подойдя к стенду с обувью, она взяла босоножку с необычной отделкой, на высоком каблуке. «Если денег хватит – куплю», – решила Нина и перевернула обувку.

На ценнике была напечатана цифра тридцать семь тысяч. Нина взяла соседнюю модель, на ней значилось – сорок четыре тысячи. Это зарплаты четырёх доярок в Кашниково, вместе взятых.

Две молоденькие продавщицы смотрели на Нину со снисходительным интересом.

– Каблук слишком высокий, – постаралась сказать спокойно Нина и поставила босоножку на место.

Она зашла ещё в три бутика, на разных этажах, присматривалась к одежде, к сумкам, зонтам и всяким шарфикам. Цены поражали, возмущали и показывали, насколько мало получает Нина и все её знакомые.

Не потратив денег на обувь, Нина решила покушать в кафешке. Макдональдса поблизости не наблюдалось, и она зашла в кафе, расположенном на первом этаже двухэтажного особняка восемнадцатого, как указывала мемориальная доска, века.

В кафе было прохладно и приятно пахло. Охранник и девушка-администратор смотрели на Нину, как те продавщицы, из обувного.

– Девушка, вы сначала меню посмотрите... Может, вам ассортимент не понравится.

Администратор кивнула на тумбочку, на которой стоял букет цветов, и лежала большая кожаная папка. Нина открыла её, и первое что увидела – «салат греческий», 0,5. вторым шел «язык заливной» за 1,5.

– Странные цены.

Администраторша и охранник вздохнули.

– Цены указаны в тысячах.

Нина положила меню на тумбочку.

– Врать не буду, у меня нет таких денег, – призналась она.

– Очень тебя понимаю, – серьёзно ответила администраторша.

После кафе Нина никуда не заходила, просто шла по Проспекту Мира, смотрела на дома, на людей. В «Склиф» вернулась усталая и расстроенная.

– Нагулялась? – сестра-хозяйка Лариса поставила перед Ниной блюдо с салатом и тарелку с картофельным пюре и котлетой. – Насмотрелась?

– Я таких денег никогда не заработаю.

– А и не старайся. – Лариса посмотрелась в зеркало, поправила причёску-каре и обтягивающий круглое тело халат. Судьба сама распорядится. Добавку будешь? Я тебе на всякий случай взяла две порции.

– Буду.

– Вот что мне в тебе нравится, так то, что ты не худеешь. Все на диетах, а ты ешь всё подряд, и не отказываешься.

– Мне бабушка, а она у меня была фельдшером, ещё в детстве объяснила, что у меня отличный метаболизм и не надо его сбивать похуданием, хуже будет.

– Оно и правда. Фигура у тебя – смерть мужикам. Заглядываются?

– И заглядываются и щиплются.

– Все они кобеляки. – Высказалась Лариса и достала из холодильника вторую тарелку с котлетами.

И все-таки Нина ушла бы из «Склифа». Остаться в Москве помог случай.

Убираясь в приемном покое, она столкнулась с очередным больным, привезенным «скорой помощью». Рядом с каталкой, на которую переложили пожилого мужчину в отличном костюме, стоял огромный парень.

– Инсульт, – поставил диагноз врач из неврологии, Валерий Дмитриевич.

Специалистом он считался хорошим, но часто брал в карман, пугая сложным диагнозом и обещая вылечить. А куда ему деваться в сорок лет с двумя детьми на шее и беременной женой?

– Он отец мой, – растерянно бормотал парень. – Ему прямо на работе, на совещании, стало плохо.

– Будем лечить, – особым тоном, оценив материальный уровень и больного, и его сына, успокаивал врач. – Придется в реанимацию.

– Да зачем ему? – Нина рассердилась. – Шок ведь прошел.

– Вот только не хватало, чтобы нянечки мне консультации давали! – взорвался врач.

– Ой, ну зачем ему лишние лекарства. – Нина погладила больного по голове, ощущая что-то не совсем ясное. – МРТ и серебролизин, остальное лишнее, на почки и печень плохо повлияет.

Левая рука пожилого мужчины приподнялась, он что-то промычал. Нина, не переставая говорить, опять погладила его по голове, и больной успокоился.

– Меня Василием зовут, – громко и весьма настойчиво заговорил здоровяк, обращаясь к врачу. – У вас есть платное отделение? Я в состоянии заплатить за хорошее обслуживание отца. И официальный тариф, и не официальный, и сиделку найму.

– Мы вам представим прайс лист. – Доктор внимательно посмотрел на ободранный, несмотря на защитную пластиковую полосу, угол больничной стены. – А с сиделкой лучше напрямую.

Василий перегнулся через каталку.

– Девушка, когда у вас кончается работа? Я нанимаю вас в сиделки.

Нина хотела возразить... и испытала мгновенную уверенность в лучшем повороте судьбы. Не отпуская руки больного, она поспешно согласилась.

– Я могу отпроситься, мне положены три отгула. – Они разговаривали и шли по обе стороны каталки. – И ещё у меня диплом медсестры.

– Договорились. – Василий смотрел на бледного отца, на перекошенное инсультом лицо. Каталку с больным завезли в грузовой лифт.

– Телефон! – Василий постучал по карманам, нашел визитку. Отца зовут Аркадий Андреевич.

– Я поняла. Вы не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Равнодушный лифтер отодвинул Василия и с грохотом закрыл дверь.

Весь день Нина сидела у постели Аркадия Андреевича, дремала.

Вечером приехал Василий, привез продукты, вещи, тапки и женские гигиенические принадлежности. Он подробно, по пунктам, обсудил условия работы Нины. Названная сумма за услуги индивидуальной медсестры сильно впечатлила Нину.

– Я теперь в два раза больше буду работать в нашей с отцом фирме, так что часто не отвлекай, могу наорать. – Серьёзно предупредил Василий.

– Намёк поняла, звонить не буду.

Она съездила в общежитие «Склифа», взяла необходимые вещи и полностью переселилась в неврологию, в палату Аркадия Андреевича.

В ее обязанности входили внутривенные и внутримышечные уколы, впихивание в капризного больного таблеток, уборка палаты, ревизия принесенных продуктов и ответы на бесконечные дурацкие телефонные звонки.

Для Нины поставили в палате кровать и выдали постельное бельё.

Аркадий Андреевич пришел в сознание на следующий день, еще через три дня смог сносно выговаривать первые слова и объясняться с помощью жестов.

Нина вспоминала больницу в Боровичах. Ну, не сравнить. Там даже разовые шприцы больные должны были приносить с собой, не говоря уже о разовых капельницах. Конечно, для тяжелых больных это находилось, но как только пациент переставал ждать общения с Богом и интересовался, что там за окном лечебного учреждения, так медицинский интерес к нему резко падал, и спасение больного становилось его сугубо личным делом.

Реабилитация проходила с помощью родственников, при их же подкормке, поскольку о меню столовых бюджетных больниц в провинции говорить можно или с юмором или русским матом.

* * *

Новость о том, что пропавшая из поля зрения больных уникальная Нина, которая безболезненно делала самые сложные перевязки, осталась в «Склифе», только переехала в другой корпус, просочилась по всей больнице. Но к Нине стали обращаться не больные, которые не очень-то ориентировались в сложной системе отделений и корпусов. Нет! Теперь о помощи ее просили сами медсестры. Уж они-то профессионально ощутили качество работы Нины и ее особенности.

Их просьбы «по старой доброй памяти» помочь Нина, обиженная прошлым равнодушным обращением, отвергала самым действенным способом. Она рекомендовала обратиться напрямую к Василию, сыну своего индивидуального пациента. Куда их посылал Вася, она догадывалась, и после трёх просьб «помочь по дружбе» других не поступало.

Василий и жена Аркадия Андреевича, Елена Борисовна, приезжали через день.

Когда Аркадий Андреевич спал, Нина шипела на посетителей и выводила их в маленький холл, где просила написать записку. Если спала Нина, то Аркадий Андреевич заставлял пришедшего говорить тише, не будить спасительницу.

Вчера Нина сквозь сон услышала один из разговоров.

– Ты кого себе нанял, сиделку или охранника? Она ж здоровая, как Брунгильда.

– Вот именно, здоровая. – Тихо и косноязычно отвечал Аркадий Андреевич. – Смотришь на неё, и глаз радуется – совершенство.

– Да, девушка впечатляет. Елена не ревнует?

– Она меня ни к кому не ревнует.

Очередной посетитель, увидев спящую Нину, восхитился.

– Хороша девка, настоящая Брунгильда.

Даже во сне Нина слышала имя «Брунгильда», о котором почти забыла.

– Меня во вьюношестве звали «жиртрестом». – Говорила мама. – Ничего, Нинка, не переживай. Уедешь из нашего деревенского гадюшника, и будут тебя называть Брунгильдой или Марфой Посадницей, обе были очень крупными бабами, и все мужики будут твоими.

– А Брунгильда кто? – Спросила тогда Нина, стесняясь уточнить о Марфе. – Я про Посадницу по истории что-то помню, а про эту...

Задумавшись, мама вспоминала мифологию, хлебнула чайку и, чтобы не вдаваться в подробности, которых так и не вспомнила, пояснила:

– У Скандинавов или Германцев, была такая воительница, а, может и королева. Всё время воевала, да с мужиками разбиралась. Очень сильная, говорят, была девушка.

* * *

Через неделю Нина поняла две вещи. Первое: она сделала правильный выбор, оставшись с больным. С Аркадием Андреевичем они полностью находили взаимопонимание при очень высокой оплате с его стороны. И второе: она постепенно влюбляется в Василия, а он воспринимает ее как полезный, даже необходимый, но предмет.

Через две недели Аркадия Андреевича выписали долечиваться дома. Само собой разумелось, что Нина останется сиделкой и дальше.

В элитном подмосковном поселке, среди трех и четырехэтажных кирпичных стандартных «новоделов» без фантазии и индивидуальности, дом Аркадия Андреевича выглядел интересным.

Больше всего Нине нравился участок. Здесь не вырубали деревья для обзора и безопасности. Высокие сосны, среди них выложенные из плит тропинки, подстриженная трава, кустарники с различными «оперениями» листьев и окраской стеблей. Двадцать сортов цветов – от ромашки и клематисов, до огненных хризантем и до вставленных в отдельные стеклянные абажуры орхидей. Всё радовало взгляд.

У въезда в поселок располагался пост охраны, и это позволяло отказаться от охранников в доме.

Прием лекарств и уколы шли строго по часам. Сначала скармливались таблетки, затем Нина вскрывала очередную упаковку шприца, стучала щелчками по ампуле, сгоняя лекарство вниз, щелкала под ваткой стеклянным переломленным горлышком и набирала в шприц положенное количество кубиков инъекции.

Над тумбочкой с медикаментами висела схема человеческого зада с отметинами уколов. Каждый день Нина отмечала точки укола разными фломастерами. Только через неделю можно было пользоваться место старого укола, а до этого приходилось осваивать целину на бедрах, хотя там укол болезненнее.

Нина поставила оранжевую точку на левую нарисованную ягодицу, подошла к кровати и откинула одеяло.

– Скидаем штаны, готовимся к лечению.

Аркадий Андреевич медленно повернулся и спустил брюки пижамы.

– В больнице ты гораздо нежнее со мной разговаривала.

– Так я же тогда думала, что вы беззащитный.

Сделала она укол как всегда – со шлепком и легко.

Убрав на тумбочке после укола, Нина спустилась на первый этаж.

Елена Борисовна, как всегда в домашнем спортивном костюме и непричесанная, сидела в гостиной, курила и смотрела очередной сериал, от одного звука которого у Нины появлялась вяжущая оскомины. Елена Борисовна редко замечала Нину, но сейчас позвала.

– Посмотри, у меня что-то выскочило на шее.

Проходя на кухню, Нина на секунду остановилась, нагнулась к «хозяйке», провела пальцем по тому месту и сильно надавила. Елена вскрикнула.

– Ты... ты в своем уме? Больно!

– Моллюск. Заразный. – Нина разглядывала трясущееся злостью красивое лицо Елены Борисовны. – Не волнуйтесь. Послунявьте это место, нужна своя слюна. У вас через три дня и остальных бородавок не будет, только мяса поменьше ешьте. Ну что вы так меня смотрите? Я правду говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.